

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 391/395

Е.Е. Бычкова

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ В ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Проводится анализ существующей в детской культуре традиции имянаречения. На материале записей детских рассказов 2003–2009 гг. выявляются особенности данной традиции, раскрывается ее инициальная природа. Исследуется мотивация возникновения дворовых имен, а также система запретов, накладываемых на них.

Ключевые слова: имя; знак; культура; игра.

Данное исследование посвящено традиции имянаречения в детской культуре. Материалом для анализа послужили записи детских рассказов, собранные на территории одного из городских дворов г. Кемерово. Возраст информантов колеблется от 6 до 13 лет.

Для современного городского ребенка двор становится своего рода моделью мира, а дворовый социум – моделью общества, формирующей особый характер взаимоотношений. Выбранная для изучения детская площадка в довольно молодой урбанистической истории города относится к категории «старых», имеющих сложившуюся традицию. Так, играющими на детской площадке детьми четко осознается возрастная иерархия внутри группы (информантами выделяются дети «маленькие» и дети «взрослые»). Подобное разграничение основывается, прежде всего, на приобретаемом ребенком праве гулять одному, без сопровождения взрослых. В то же время основной из знаковых особенностей взаимоотношений становится фольклорно-мифологическая, а также социально-психологическая оппозиция «своего» и «чужого», характерная для детского мировосприятия. В границах двора «свои» и «чужие» миры взаимодействуют, формируя особое пространство – время. Детями отчетливо начинает осознаваться невозможность включения взрослого человека в игру. «Мир взрослых» порой сознательно, а порой совершенно случайно разрушает хрупкий мир детской игры, выключая ребенка «целебным» возвращением к реальности.

Как отмечает Ю.М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”)), причем «если внутренний мир воспроизводит космос, то по ту сторону его границы располагается хаос, антимир, внеструктурное иконическое пространство, обитаемое чудовищами, inferнальными силами или людьми, которые с ними связаны... в антипространстве живет разбойник... он говорит на антиязыке, осуществляет антиповедение (громко свистит, непристойно ругается)» [1. С. 189]. Как правило, для детей «домашних» такими «разбойниками» становятся «дворовые» дети. Для последней группы граница «своего», защищенного мира передвигается гораздо дальше границы квартиры, включая в себя двор как освоенное и безопасное пространство. При этом дом для данной группы детей является местом, куда родители «загоняют», куда не хочется идти. Стремление отделиться от домашнего мира также проявляется в языковой традиции: как правило, языком группы становится дворовый сленг, формирующий особый характер общения. Одним из маркеров «дворового

кода», знаменующего приобщение ребенка к дворовой культуре, может стать наличие у него прозвища (кликухи, клички, погоняла), возникающего после своего рода ритуализированных действий, соотносимых с обрядами включения в дворовую общность, имеющих инициальную природу. В основе подобных действий лежит ситуация преодоления внутреннего страха, обретения уверенности в собственных силах, возвращения в детский коллектив в новом статусе.

Анализ собранных материалов показал, что дворовое имя помнится даже спустя много лет. Приведу пример одного рассказа, записанного по воспоминаниям: «Меня Грушей назвали, после всех этих кувырканий на качеле. Мы потом всей группой залезли на любимое дерево и обсуждали, как нас с тобой назвать. Я хорошо помню... Не знаю, как у тебя, а у меня ноги тряслись... И самое обидное, что моя старшая сестра здесь же на дереве сидела и ничего против не сказала... Мы-то ведь не должны были неудовольствие выражать... Так еще разъяснили, что раз я люблю груши и попа у меня как у груши, то и буду Грушей... Так обидно было. Это с одной стороны, а с другой – гордая была до жути, что приняли!» (Любимова Татьяна, 22 года; по воспоминаниям 11–12 лет). «Даруемое» имя оказывается проверкой новичка на прочность: оно подобно дразнилке, которую необходимо принять и не выказать особого сопротивления, что маленькие дети сделать просто не смогут, т.к. «все, что имеет отношение к имени маленького ребенка, приобретает для него особый, личностный смысл: он не представляет себя вне своего имени» [2. С. 155]. В ситуации, описанной информантом, очевидным становится тот факт, что даже родственные связи (старшая сестра посвящаемой участвует в собрании) не способны изменить решения группы. Отсюда недоумение ребенка: «тут же сидела и ничего против не сказала». Чувство недоумения, обиды и гордости одновременно, умение принять «дразнящее» имя, не выразив «неудовольствие» – весь этот комплекс становится маркером выстраивания нового этапа отношений ребенка с дворовым миром, этапа более индивидуализированного. Имя, которое получает ребенок на «дворовом совете», обязательно имеет собственную мотивацию. В приведенном выше рассказе имя Груша оказывается мотивированным как по внешнему (особенности внешности девочки), так и по «внутреннему» (пристрастие ребенка к данному фрукту) признакам.

Имя представляет собой индивидуальный знак человека в обществе: оно может воодушевлять, возвышать, духовно обогащать или, наоборот, огорчать, по-

давливать и унижать. Кроме того, имя представляет собой аккумулятор культуры, становясь социокодом в хранилище коллективной памяти и средством трансляции культуры [3. С. 140]. Дать человеку имя – это значит включить его в систему социальных отношений, где он приобретает определенные права и обязанности.

Традиция давать человеку второе имя известна в традиционной культуре. Она основывается на глубокой вере в то, что магически воздействовать на человека можно посредством его имени [4. С. 260], которое, таким образом, представляет собой его имманентную сущность, явленную в слове, наречение именем приравнивалось к «отгадыванию внутренней сущности» [5. С. 508] человека. В славянской традиции давать ребенку кроме крестильного имени прозвище сохранялся до XVII в. Прозвищем называли неофициальное именование какого-либо индивида, сложившееся в семье, общине на основе того или иного признака: по особенностям внешнего облика или характера человека, по имени или прозвищу его отца [6. С. 310–312]. По типу образования внутрисемейные прозвища соотносятся с древнерусскими дохристианскими именами: в их основе лежит то или иное качество ребенка, особенность его внешности или поведения [7. С. 28–29]. Через некоторое время семейное прозвище ребенка заменялось прозвищами его возрастной группы. Прозвище обычно имело рифмованную форму, возникая на основе имени человека, и нередко становилось его постоянным спутником до самой старости.

В современной молодежной культуре, как отмечает Т.Б. Щепанская, «получение системного имени является одним из вариантов обретения символа принадлежности на этапе приобщения к тусовке» [8. С. 133]. В варианте молодежного приобщения имядателем обычно является «мать» («мама», «мэм»). «Мать принимает на себя определенные обязательства по отношению к “сыну” – опекать его, знакомить с обычаями и людьми тусовки. Она словно персонализирует согласие тусовки принять нового человека и осуществляет его интеграцию» [8. С. 133].

В исследуемом нами дворовом коллективе функцию имядателя несколько лет назад выполнял Дворовый Совет, в который входили как мальчики, так и девочки старшего возраста, приобщавшие новичков, малышей к традициям двора. Однако в последние годы нами все чаще фиксируются случаи, когда «проводником» в дворовую группу становится один человек – самый старший и ловкий из дворовых мальчишек. Образ имядателя-лидера в дворовом коллективе наделяется рядом мифических представлений. Так, например, его кличку нельзя произносить вслух – существует поверье, что нарушившего этот запрет ждет наказание: «Клички нельзя говорить... Они плохие... Не скажем... А то нам потом будет... Ну, их старший пацан один придумывает. Иногда мы сами придумываем некоторым, но в основном – один человек. Он может в глаз дать... нам... у него самого кличка есть. Только мы ее не скажем...» (Васильев Влад, 10 лет). Причина столь пристального внимания детей к именованному знаку – в осознании крепкой и неразрывной связи между именем и его носителем. Табу на произнесение, а следовательно, раскрытие внутренней силы, сущности имени, ведет к достаточно серьезному наказанию.

Имя-кличка дворового лидера оказывается загадкой для младших в группе: одни считают, что это всего лишь его

кличка, а некоторые говорят об их некоем взаимопроникновении: «Здесь не понятно как-то: это его кличка как бы или это его имя взаправдишное» (Иваненко Руслан, 9 лет). Подобное взаимопроникновение настоящего имени и клички обусловлено, прежде всего, необычностью данного имени – Тигран, а также тем фактом, что его носитель является одним из ведущих учителей паркура в дворовом коллективе, о его ловкости и силе ходят легенды: «Да ты ваще видела, как он прыгает-то! Вот видишь на стенке написано. Ну да это по-английски “TRAIN”. Это видишь, как высоко написано? Так там нога его была, когда он с разбегу прыгал. Как тигр ваще. И у него еще майка рыжая такая. А перевод знаешь? Это значит “тренируйся”. И тоже получится. Это он писал. Таким красным как бы. Не знаю чем» (Иваненко Руслан, 12 лет). В приведенном рассказе отчетливо прослеживается желание информанта соотнести образ лидера со звериным образом, образом тигра. Этому способствует как само его имя, так и цвет майки, а главное – взятая им высота. Слово – завет, которое он оставляет своим подопечным, написанное чем-то красным на «модном» английском языке, – также является частью его образа.

Как уже отмечалось ранее, на некоторые дворовые клички накладывался запрет их разглашения недворовым детям, а также «представителям мира взрослых». В противном случае действует определенная дворовым коллективом система наказаний. Приведу пример: «Если те, кто тебя посвящал, просекут, что ты погоняла выбалтываешь, то тебя загнобят...» (Воронин Семен, 14 лет). Таким образом, ребенок, нарушивший запрет, становится изгоем («пятачком-стукачком» – *примеч. авт.*) в детской среде.

В ходе исследования были также зафиксированы случаи наречения именем не дворовым лидером, а другом нарекаемого. Подобная кличка осознается как «нормальная» с точки зрения информантов: «Вот у Руси кличка Жига. Это я ему придумал. Потому что он часто зажигалки находит. У него она уже три месяца. Она нормальная и ему нравится» (Лузгин Сережа, 10 лет). Кличка подобного рода призвана не обижать ребенка, а напротив, подчеркнуть его достоинства. На нее не действует запрет о неразглашении.

Данный запрет также не действует на «плохие» клички, выдумываемые дворовыми детьми для малышей или недворовых ребят. Подобно дразнилкам, они подмечают в ребенке далеко не идеальные качества, но, в отличие от дразнилок, имеющих более короткий срок «жизни», «плохая» дворовая кличка в течение нескольких лет является идентификатором того или иного ребенка, подчас подменяя его настоящее имя. Приведу пример подобной идентификации: «Да никто не знает, как ее зовут-то, хоть она давно тут... Соплячка, да соплячка... Все время под ноги лезет, а потом ревет...» (Васильев Влад, 13 лет). «Это свойство – умение найти “шевелившее, задирающее за живое”, обнаруживается уже в детском словесном творчестве, едва ли даже не в более едкой форме, чем у взрослых. Детскому творчеству ирония еще не доступна; в нем смех жестокий, ирония ничем не смягчаемая. Кажется, невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издевчивости. Поводом может послужить одно желание «донять» [9. С. 721–722]. Подобное «обзывательство» дает возможность показать свою власть над объектом называния. Источником для возникновения дворового имени может послужить:

1. Настоящее имя ребенка:

Салат: «Его Ренатом зовут. Он у нас Салат... Вот, у него рифмуется, а у нас, например, не рифмуется...» (*Лузгин Сережа, 10 лет*);

Осел: «Аслан – Осел. Он с ушами ходит, и его невеста ему рога наставила...» (*Лузгин Сережа, 10 лет*).

2. Фамилия ребенка:

Лось: «У нас есть во дворе Лосев, его Лосем называют...» (*Лузгин Сережа, 10 лет*);

Хохрячка: «Вон Хохрячка идет... Это мы ее так называли. У нее фамилия – Хохрякова. Хрюхрюкова-хрюшка!» (*Васильев Влад, 13 лет*).

Фамилии и имена имеют достаточно большой потенциал для детского словотворчества. Известно, что из прозвищ в свое время «возникло значительное количество современных фамилий» [6. С. 310–312]. В современной традиции картина взаимодействия прозвища и фамилии верна в обратном порядке: теперь фамилии представляют неиссякаемый источник для возникновения прозвищ, «плохих кликух», от которых впоследствии достаточно сложно избавиться.

3. Пристрастия и поведение ребенка:

Булка: «...ну она булочки постоянно нямает, толстуха такая» (*Иваненко Руслан, 9 лет*);

Петросян: «...это у нас пацан, который тупо шутит» (*Овчинников Максим, 8 лет*);

Лягушонок: «У Семы Вашенко кличка – Лягушонок. Он просто Crazy Frog любил очень... Тупняк этот...» (*Лузгин Сережа, 10 лет*);

Дурачье: «...два парня-тупика есть, все время вместе ходят, ну... зовем их так» (*Букасин Андрей, 13 лет*).

4. Бытовые проблемы:

Гнилой: «...у него дома клопы были, ну и называли так» (*Иваненко Руслан, 9 лет*);

Таракан: «У нас Таракан есть, он на мопеде катается... Таракан на мопеде... Да его прозвали Тараканом... Почему Андрея Тараканом прозвали? Так он тараканов ест... Да шутка! Его зовут Зеленым Лысым Тараканом, потому что они у него дома они водятся... Да не, обычные, а не зеленые... коричневенькие такие» (*Лузгин Сережа, 10 лет*).

Два последних приведенных примера характеризуют степень жестокости детского мира. Даже в том случае, когда домашнее пространство уже полностью освобождено от паразитов, подобного рода имена все еще продолжают функционировать, как «позорное клеймо». Очень в редких случаях носитель подобного имени оказывается вхож в дворовую группу. Тогда его имя-«кличка» остается прежним, но отношение, как к имени, так и к его носителю меняется. Так, например, произошло с кличкой Гнилой. Ребе-

нок, вначале отвергаемый дворовой компанией, затем, занявшись профессионально футболом и пройдя ряд испытаний-посвящений, оказался ею принят, причем исчезла прежняя отрицательная коннотация его имени.

Интересным оказывается тот факт, что традиция имянаречения функционирует не только в пределах мира детей. Свои «клички» получают также некоторые взрослые, проводящие значительное время во дворе: это и «вечно сидящие» на лавочках бабушки, дворники, уборщицы подъездов, бомжи. Так, например, за одной из вполне безобидных старушек в детской среде закрепилась кличка «Бабка-жевачка», отсылающая к имени одного из мифологических персонажей детских вызываний [10. С. 287]. В зафиксированных страшных историях она предлагала детям на улице какие-нибудь сладости, чаще всего «вкусную жевачку», а затем заманивала их к себе домой. Детей после этого, как утверждают информанты, никто никогда не видел. Также инфернальными чертами в детской дворовой культуре наделяется образ дворника, обладателя таинственного пространства дворничкой, поджигателя куч с осенними листьями, злого блюстителя порядка. Его кличка непосредственно связана с тем предметом, которым этот порядок поддерживается. Очень многие дворовые мальчишки близко знакомы с его метлой, поэтому крики типа: «Атас! Метла идет!» – очень быстро заставляют игровую площадку опустеть.

Фиксировались также случаи, когда взрослый мир использовал кличку как идентификатор ребенка: «А меня во дворе Ромашкой звали, даже иногда родители моих друзей просили напомнить мое настоящее имя. Я для всех была Ромашка» (*Алена Цветикова, 18 лет; по воспоминанием 8–9 лет*).

Таким образом, дворовая традиция формирует свое особое время-пространство, свою систему отношений между людьми. Наречение дворовым именем является важным этапом в установлении диалога ребенка с окружающим его миром. Оно становится его идентификатором в данном сообществе, порой даже вытесняя его настоящее имя. Степень запретности подобных имен определяется, прежде всего, лицом, их дающим. Так, если «плохая кликуха» и «кликуха нормальная» придуманы сверстниками, то никакого запрета на ее произнесение не существует. В случае же прохождения ребенком некоторых дворовых испытаний, связанных с преодолением страха, демонстрации физической силы, смекалки и т.п., когда имя ребенку подбирается старшими ребятами или дворовым лидером, начинается действовать запрет на «выбалтывание». Подобные «тайные» имена могут функционировать только в определенном круге лиц, знающих их «внутреннюю форму».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
2. Мухина В.С. Детская психология. М., 1999.
3. Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009.
4. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
5. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 508–510.
6. Мадлевская Е. Прозвище // Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 310–312.
7. Мадлевская Е. Внутрисемейное имя // Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 28–29.
8. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.
9. Виноградов Г.С. Сатирическая лирика // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 711–742.
10. Баснина А.П. Источники формирования детской фольклорно-мифологической картины мира // Народная культура Сибири: Материалы XVII науч. семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Амфора, 2008. С. 285–290.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 марта 2010 г.